

От скребка костяным ножом в слое вьевшейся крови, покрывавшей наруч доспеха, появилась чистая полоса, а отделившаяся сухая корка осталась на изогнутом обухе лезвия. Ларана Уториан обмакнула лезвие в ведро с теплой водой, стоявшее рядом, и продолжила работу. Кроагер снова вернулся в блиндаж с ног до головы заляпанный засохшей кровью и, не говоря ни слова, жестом приказал пленнице снять с него доспех и отчистить его.

Все фрагменты брони были тяжелыми, очень тяжелыми, и если бы не скрипящая механическая рука, которую хирурги-мясники по приказу Кроагера вживили ей, Ларана не смогла бы даже приподнять их. От одного взгляда на черную сталь протеза ее тошнило, а от того, как извращенные биомеханические компоненты новой руки постепенно врастали в ее тело, пленнице хотелось оторвать протез от плеча. Но черные, извивающиеся нити синтетических нервов уже слились с ее плотью в неразрывное целое, и она не могла отказаться от этой руки — так же, как не могла заставить свое сердце перестать биться.

Каждая деталь доспеха, который носил Кроагер, сейчас заняла свое место на прочной стальной стойке так, что создавалась иллюзия гигантского механического человека, разобранного на части. На поверхности практически не осталось участка, не скрытого запекшейся кровью, а запах разложения был так силен, что Ларану мутило каждый раз, когда она поворачивалась к стойке.

Сгорбившись, она продолжила работу, и на броне появилась еще одна чистая полоска. Ларана не могла сдержать слез: она чистила доспех чудовища, прекрасно понимая, что завтра придется все начинать заново. По какой-то таинственной причине Кроагер не убил ее, и каждый день пленница жалела об этом.

И каждый день проклинала себя за то, что так хочет жить.

Оказаться в услужении у подобной твари было не лучше, чем стать служанкой настоящего демона. А демон был еще и капризным: Ларана никак не могла предугадать, как изменится его настроение, как он поведет себя в следующую минуту, как отреагирует на то, что она делает. Она пыталась восстать, колотила кулаками по его окровавленной броне, но Кроагер только смеялся и отшвыривал ее в сторону. Тогда она потворствовала его желаниям, но в ответ он становился угрюмым и задумчивым, раздирал старые шрамы, слизывал кровь с собственных рук — он намеренно поддерживал свои раны открытыми — и смотрел на пленницу с презрением.

Ларана ненавидела его всем сердцем и при этом отчаянно хотела жить, но определить, как следует себя вести, чтобы Кроагер не убил ее, было невозможно.

Она отчистила с наруча остатки крови, отложила нож и взяла промасленную ветошь, которой затем отполировала серебристую поверхность, пока та не засверкала, после чего, довольная результатом — чище этот металл она уже сделать не могла, — поместила наруч на стойку.

Словно какая-то сила привлекла ее взгляд к внутренней поверхности доспеха, от которой исходило зловоние. Ларана чистила и полировала внешнюю сторону брони, но не могла

заставить себя прикоснуться к внутренним поверхностям. Изнутри доспех Кроагера покрывало что-то омерзительное и шевелящееся, что-то, похожее на грубо разрезанные гниющие куски мяса, по которым время от времени пробегала волна сокращений, словно в них еще теплилась отвратительная жизнь. Один вид доспеха вызывал в Ларане отвращение, но в то же время в нем была и некая гнусная привлекательность, как будто взывавшая к неведомой стороне ее души.

Содрогнувшись, она сняла со стойки следующий фрагмент доспеха — округлый налокотник, на котором было меньше грязи, и чистка его не должна была занять много времени.

Ту кровь, что на мне, ты не отчистишь только лишь ножом...

Вновь взявшись за скребок, Ларана украдкой посмотрела на оружейную стойку из серебра и черного дерева, на которой хранилось оружие Кроагера. Тяжелый цепной меч с восьмиугольной звездой на вершине рукоятки и острыми шипами на крестовине; рядом с ним — искусно украшенный пистолет с дульным срезом в форме черепа и бронзовыми накладками. Один магазин к нему был длиннее, чем предплечье Лараны.

Давай же, прикоснись к ним... почувствуй их мощь...

Она покачала головой: Кроагер не позволял ей чистить его оружие, и единственный раз, когда она вызвалась это сделать, стал первым и последним. Тогда он несильно — по своим меркам — ударил ее по лицу, сломав скулу и выбив несколько зубов, и сказал:

— Мое оружие ты и пальцем не тронешь, смертная.

Со слезами пришла горечь. Ларана проклинала себя за это желание выжить, за то, что прислуживает этому исчадию зла, но другого способа уцелеть она не видела. У нее не было сил ни на что, кроме как быть игрушкой для безумца, который купался в крови и наслаждался смертью.

Но разве это плохо? Получать удовольствие от смерти других... разве это не высшая честь, которую одно живое создание может оказать другому?

Ненависть к Кроагеру жарким пламенем горела в ее сердце, и Ларана чувствовала, что если не дать ей выход, эта ненависть поглотит ее.

Да, человек, ненависть, ненависть...

Взгляд ее вновь против воли устремился к доспеху, и она могла поклясться, что где-то вдали послышался смех.

Над горами уже занимался рассвет, когда несколько групп рабов под присмотром Хонсю

перетаскивали последние детали артиллерийского лафета через край скалистого утеса. Он с удовольствием отметил, что среди рабов еще виднелись голубые шинели вражеской гвардии: некоторые из выживших пленников еще могли послужить Железным Воинам.

Форрикс, стоявший рядом и благодаря терминаторскому доспеху возвышавшийся над Хонсю на целую голову, оценивающим взглядом обзревал равнину, на которой медленно шли осадные работы. Несмотря на артобстрел с двух бастioned и центрального равелина, сапы от продленной параллели продвигались к цели, но с крайней осторожностью; рабочих в голове каждой сапы прикрывали тяжелобронированные передвижные заграждения, которые, подобно грузным животным, медленно ползли вперед.

— Кузнец Войны недоволен, — сказал Форрикс, широким жестом указывая на работы, ведущиеся по всей равнине.

В замешательстве нахмурившись, Хонсю повернулся, чтобы посмотреть в бледное лицо ветерана.

— Но мы и так продвигаемся с приличной скоростью, Форрикс. Мы захватили внешние укрепления менее чем за две недели, и сапы уже приближаются к цитадели, так что скоро мы сможем соединить их во вторую параллель. Немного я видел осад, которые проходили бы так быстро.

Форрикс покачал головой.

— Определенные обстоятельства требуют, чтобы мы еще поторопились. Кузнец Войны хочет, чтобы мы закончили осаду в течение десяти дней.

Хонсю фыркнул.

— Это невозможно! Когда вторая параллель еще не готова? На полную установку батарей там понадобится по меньшей мере четыре дня, и еще несколько дней на то, чтобы орудия проделали брешь в укреплениях. Я вообще сомневаюсь, что получится создать годную брешь без устройства третьей параллели и применения осадных танков. Это все требует времени, уж ты-то должен это знать.

— И все же, это нужно сделать.

— Как?

— Как угодно, Хонсю. Время — роскошь, которую мы не можем себе позволить.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Будем вести сапы вперед еще быстрее, построим больше передвижных заграждений, заставим копать и рабов, и солдат, чтобы горы трупов закрывали рабочих от имперской артиллерии, — безоговорочно отрезал Форрикс.

— Возникнут сложности, — медленно проговорил Хонсю. — Имперские артиллеристы проявляют прямо-таки сверхъестественную меткость.

— Действительно, — задумчиво ответил Форрикс, вглядываясь в склоны гор, окружавших равнину, — просто прицельную меткость, не находишь?

— О чем это ты?

— Ты уверен, что на тех позициях, которые ты атаковал до начала вторжения, не осталось выживших?

— Уверен, — прорычал Хонсю. — Мы убили всех.

Форрикс вновь посмотрел в сторону гор и вздохнул.

— А я думаю, ты ошибаешься, Хонсю. Я думаю, там все еще кто-то есть. — На это Хонсю ничего не ответил, и Форрикс продолжил: — Пошли Горана Делау проверить все места, которые вы атаковали, и если там есть следы выживших, пусть он выследит их и убьет. Мы не можем допустить, чтобы осадные работы замедлились из-за твоей некомпетентности.

Хонсю сдержался от гневных возражений и, прежде чем уйти, холодно кивнул.

Общеизвестно, что из всех органов сердце горит хуже всего, но Джарек Келмаур, колдун Кузнеца Войны и Властитель Семи Тайных Чар, считал, что голубое пламя, в котором сейчас поджаривалась мускульная ткань, стоило затраченных усилий. Горящее сердце и лунный свет, падавший сквозь вход в шатер, населили тьму внутри призрачными тенями. Келмаур потер покрытую татуировками кожу черепа, а затем развел руки перед пламенем, охватившим человеческий орган.

Хотя веки его глаз были зашиты, он все равно смотрел в огонь и видел там эфемерные образы, лежавшие за гранью человеческого зрения. Образы эти то таяли, то прояснялись по мере того, как чары колдуна старались облечь силу, полученную в результате последнего жертвоприношения, в некую практически применимую форму. Келмаур открыл разум величию варпа и почувствовал, как его вновь наполняют могущество и удовлетворение, что случалось каждый раз, когда он причащался имматериуму. И в этот раз, как и всегда, он ощутил навязчивое присутствие бесчисленных астральных тварей, жадными когтями тянувшихся к любому, кто вторгнулся в их царство. Его появление привлекло этих бездумно копошившихся существ, но для Келмаура такие бесплотные призраки не представляли угрозы — опасаться следовало других, более сильных созданий, которые скрывались в беспокойных глубинах варпа.

Он чувствовал, как порожденные варпом энергии струятся сквозь него, обретая силу и направление благодаря символам, выгравированным на золоте и серебре его доспеха. Древние знаки геомантии помогали сдерживать энергетический поток, вошедший в его плоть, но Келмаур понимал, что если контроль его ослабнет, то сила, которую он впустил в себя, мгновенно уничтожит его, и даже улучшенная физиология Астартес с этим ничего не поделает.

Энергия устремилась вдоль хрупких нервных окончаний, пронизала все тело, и вот в глазницах колдуна возникло зеленое свечение, просочилось сквозь швы, изумрудными слезами стекло по щекам и, наконец, разрослось в ядовитое облако мерцающего тумана. Клубы этого тумана извивались и скручивались в спирали независимо от движения воздуха, пока мерцающая пелена, исходившая из рта и глаз Келмаура, не обвилась вокруг его плеч, подобно змее.

Лучи зеленого света, словно щупальца в поисках добычи, потянулись к догорающему сердцу, пламя вокруг которого шипело и разлеталось яростными искрами.

Перед глазами Келмаура мелькали мимолетные образы: скала Тор Кристо, в глубине ее — скрытый зал, бронзовый диск, сияющий как солнце, и над всем этим — медленно вращающееся зубчатое колесо, покрытое трещинами и пятнами. Колдун не отводил от него взгляд, и внезапно колесо как будто взорвалось изнутри некротическими потоками ржавчины, которые быстро распространились по его поверхности, пока от колеса не осталась лишь пыль.

Видение исчезло так же быстро, как появилось, и на смену ему пришел луч белого света, пронзающий тьму и постепенно гаснущий вдали; затем и это видение померкло, уступив место воину в желтом доспехе, нацелившему оружие прямо на Келмаура. Воин выстрелил, и ствол оружия взорвался ослепительно-ярким светом.

Джарек Келмаур закричал и рухнул на пол шатра; из его глаз, ушей и рта текла кровь, а внутри черепа колотилась боль.

С трудом он встал на ноги, оперся для равновесия на железный шест, поддерживающий шатер, затем, пошатываясь, перебрался на узкую койку. Сел на край, растер ладонями татуированную кожу висков, сделал несколько глубоких вдохов. Так бывало и раньше, но с каждым новым видением напряжение становилось все сильнее, и колдун знал, что решающий момент слияния уже близок.

Келмауру нужно было расшифровать смысл видений, но он боялся, что уже знает значение второго образа. Когда Железные Воины атаковали космопорт, он почувствовал, что с планеты был послан психический сигнал, слишком быстрый, чтобы Келмаур успел его блокировать, но наверняка слишком слабый, чтобы достигнуть намеченного адресата. Но колдун опасался, что этот сигнал могли услышать и другие; и если они поняли его важность, то могли уже сейчас направляться к планете. Он ничего не сказал об этом Кузнецу Войны, надеясь, что капитаны его хозяина сумеют уничтожить цитадель до того, как к осажденным на Гидре Кордатус прибудет помощь, а сам отправил боевую баржу «Камнелом» дежурить у дальней точки входа в систему. Но мучительное подозрение о том, что уже слишком поздно, не отступало, и Келмаур отозвал баржу обратно.

Аколиты его кабала докладывали, что слышат чужой психический шепот на планете, и пока колдун не находил этому объяснения. Чтобы проскользнуть незамеченным мимо «Камнеломы», требовалась немалая хитрость, но с другой стороны, баржа ведь покидала свой пост... Огромные грузовые корабли на орбите не были оснащены пси-локаторами и могли не заметить приближение врага. Возможно ли, что, пока «Камнелом» отсутствовал, что-то пробралось на поверхность?

А если так, то куда направился неведомый гость и чем он занимался все это время?

Паранойя, давний спутник колдуна, не ослабевала ни на миг, и в мозгу Келмаура всплывали десятки вариантов, один страшнее другого. Может быть, нужно рассказать Кузнецу Войны о своих подозрениях? Или разобраться во всем самому? Или притвориться, что он ни о чем не знает?

Во всех этих вариантах был свой изъян, и Келмаура угнетало дурное предчувствие. Но что касается первого видения... тут он чувствовал себя гораздо увереннее.

Позади раздался тихий стон, и колдун, обернувшись, с мрачной улыбкой взгляделся в лицо адепта Цицерина.

Бывший жрец Адептус Механикус, которого Кроагер чуть не убил во время атаки на космопорт, лежал, обнаженный и закованный в цепи, на наклонной платформе, похожей одновременно на хирургический стол и на рабочее место конструктора. Взамен оторванной кисти был установлен протез, соединивший в себе бионику и аугметику, и на его черной, пульсирующей поверхности виднелись древние символы силы. Запястье обвивал широкий браслет, изогнутые шипы которого уходили глубоко в ткани руки выше протеза, и из каждого шипа в тело адепта поступал модифицированный штамм вируса-стирателя. Тут и там из плоти Цицерина вырастали механо-органические части, подвижные и в то же время угловатые. Под действием вируса, объединявшегося с органикой в единое целое, его ткани как будто кипели изнутри.

Келмаур сухо улыбнулся и встал, чтобы поближе посмотреть на извивающегося в конвульсиях жреца Бога-Машины. Изменения наверняка были болезненными, но лицо адепта ничем не выдавало его страданий; напротив, его черты были искажены в нечестивом экстазе.

— Да, — прошептал Келмаур. — Почувствуй, как твоя плоть наливается силой новой машины. Впереди тебя ждет много работы.

Цицерин открыл единственный глаз, в расширенном зрачке которого виднелись недавно родившиеся и еще подвижные электросхемы. Улыбнувшись, он кивнул в сторону пульсировавшего протеза:

— Еще, — прошипел адепт. — Дай мне еще...

На двенадцатый день осады две сапы, проложенные от первой параллели, были соединены второй параллелью, которая прошла приблизительно в шестистах метрах от рва, защищавшего подступы к бастионному фронту, и оказалась в пределах досягаемости имперских орудий, стрелявших с неизменной меткостью. Для того, чтобы завершить новую параллель, пришлось пожертвовать тысячами людей, но такие затраты Железных Воинов не смущали. Важно было лишь то, что приказы Кузнеца Войны должным образом исполнялись.

Вторая параллель протянулась между исходящими углами бастионов Винкаре и Мори; северную ее сторону снабдили высоким бруствером из утрамбованной земли с обшивкой из железных листов, что должно было обеспечить защиту от артиллерийского огня. Батареи на концах ее были расположены так, что амбразуры оказались напротив бастионных флангов.

В то же время началась разметка нового апроша, на этот раз нацеленного на середину Первого равелина, но земляные работы не могли начаться до тех пор, пока батареи не устранят большую часть орудий на стенах цитадели. Это был один из самых жестоких и прямолинейных осадных приемов, где вместо того, чтобы методично обойти бастионы с флангов, атака шла в лоб, и орудийный обстрел должен был сначала нанести максимальный урон стенам крепости, после чего наступало время безжалостного штурма.

Когда артиллерийские окопы были готовы, траншеи за ними расширили и углубили, что позволяло демоническим машинам войны безопасно перебраться на передовую. После того случая, когда взбесившееся одержимое орудие устроило погром в траншеях под Тор Кристо, были сделаны соответствующие выводы, и орудийные расчеты, приставленные к чудовищным механизмам, больше не собирались рисковать.

На следующее утро орудия на батареях второй параллели и на северном склоне Тор Кристо открыли огонь. Окопная артиллерия располагалась все еще слишком далеко, чтобы стрелять через кромку гласиса — пологой насыпи перед рвом, которая защищала уязвимое основание стен, — но обстрел парапетов был возможен и гарантировал, что защитники не смогут пользоваться стрелковой ступенью. И такой обстрел оказался удивительно эффективным: снаряды снесли верхнюю часть стены, и от широких парапетов остались только горы обломков. Цитадель открыла ответный огонь, но орудия защитников стреляли неслаженно, и укрепленные траншеи выдержали немногие попадания, а Тор Кристо для них оказался вне досягаемости.

Сотни солдат погибли в первые минуты обстрела, но затем поступил приказ отступить внутрь бастионов. Гарнизону Мори этот приказ спас жизнь; для многих на бастионе Винкаре он стал смертным приговором.

Гаубицы, стоявшие на склоне у Тор Кристо, теперь стреляли навесом разрывными снарядами, и те, перелетая через стены Винкаре, рвали укрывшихся там солдат на клочки. Каждый оглушительный взрыв уносил жизни десятков людей, и острые, как бритва, осколки одинаково легко разрезали как плоть, так и кость. Офицеры, собрав свои отделения, отдали приказ укрыться в убежищах.

Как только живые мишени скрылись, орудия на холме у форта стали обстреливать внутренние строения цитадели, для чего их позиции на возвышении подходили как нельзя лучше, позволяя перебрасывать снаряды через внутреннюю куртину. Прежде чем архимагос Амаэтон сумел поднять энергетический щит и защитить внутреннее пространство цитадели, были повреждены три больших казармы и еще несколько меньших зданий обратились в пыль.

Обстрел продолжался весь день, и в итоге два бастиона и рavelин лишились своей верхней части, огромное число орудий было сметено с позиций, и в фасах укреплений образовались значительные бреши. С приходом ночи под непрекращающийся грохот артиллерии из укрытий, где живые ютились вперемешку с мертвыми, вышли сотни рабов и, продвигаясь по ходам сообщения, приступили к рытью апроша.

Глава 4

Двигаясь вокруг стола в зале для брифингов, Вобан наполнил амасеком стаканы своих усталых офицеров, вглядываясь при этом в лица подчиненных. Он искал признаки пессимизма и обреченности, но ничего подобного не обнаружил и, вернувшись на свое место во главе стола, наполнил последний стакан и поставил его перед пустым местом, где раньше сидел Гуннар Тедески.

Казалось, что все офицеры разом постарели, и изматывающая, отупляющая работа по защите осажденной крепости оставила свой след в чертах каждого. Хуже всего выглядел Морган Кристан, рука которого покоилась на окровавленной перевязи, а грудь, израненную фрагментами разорвавшегося снаряда, покрывал слой бинтов. Его людям на бастионе Винкаре крепко досталось, и во время обстрела он был с ними.

Все подчиненные Вобана уже пролили кровь в этой осаде, и проявленное ими мужество наполняло его горячей гордостью.

— Джентльмены, — заговорил он, поднимая стакан, — за вас.

Поддерживая тост, офицеры выпили до дна. Осушив свой стакан, Вобан вновь наполнил его, и некоторое время все за столом молчали, пока кастелян Гидры Кордатус медленно потягивал напиток.

Наконец Леонид, посмотрев на гладкую золотую коробочку, медленно кивнул Вобану, и тот нарушил тишину:

— Мы оказались в отчаянном положении, джентльмены. Враг стоит у ворот, и если наши инженеры не ошиблись в оценках, всего через несколько дней — и это в лучшем случае — стены будут разрушены и противник войдет в цитадель.

— Клянусь, мои люди будут сражаться до последнего, — пообещал Кристан, стукнув по столу кулаком здоровой руки.

— Солдаты батальона В тоже, — отозвался Пит Андерс.

Вобан удержался от хитрой улыбки, готовой появиться у него на губах, и вместо этого сказал:

— Надеюсь, в этом не будет необходимости. За последние несколько часов произошло кое-что... непредвиденное, и у подполковника Леонида появился план, который, возможно, даст нам еще немного времени. Вражеская артиллерия наносит нам катастрофический урон, особенно те орудия, что стоят на склоне у Тор Кристо, и если мы не выйдем их с позиций, что будет нелегко, мы не выживем. Михаил?

Леонид поднялся со своего места и, проверив еще раз золотую коробочку — вокс-скремблер, — раздал инфопланшеты старшим офицерам джуранцев. И он сам, и Вобан внимательно наблюдали за тем, как менялось выражение их лиц по мере того, как офицеры просматривали данные. На место усталости внезапно пришла надежда.

— Это правда? — спросил майор Андерс.

— Истинная правда, — подтвердил Леонид. — Я сам их видел.

— Целая рота? — выдохнул Кристан. — Но как?...

Вобан поднял руку, пресекая дальнейшие вопросы:

— Джентльмены, считайте, что эти файлы у вас в руках — самое дорогое, что у вас есть. Следуйте данным в них приказам, следуйте осторожно и решительно, и не говорите никому за пределами этого зала об их содержании. Будьте готовы приступить к исполнению плана, как только я дам команду, ибо от вашей готовности зависит наша жизнь.

Морган Кристан просмотрел файл до конца и внезапно хмыкнул, натолкнувшись на знакомое имя.

— Проблемы, майор Кристан? — спросил Леонид.

— Возможно, — кивнул тот. — Любой план, в котором задействован Хоук — причем в качестве ключевой фигуры, — повергает меня в ужас.

— Не беспокойтесь о роли Хоука во всем этом, — умиротворяюще заметил Вобан. — Я уверен в нем, и подполковник Леонид сам будет следить за данным этапом плана.

Пит Андерс поднял взгляд от планшета:

— А кто же поведет нас?

— Я, — ответил Вобан.

Присев на корточки у входа в разрушенный наблюдательный пост Сигма IV, Горан Делау с помощью серворуки разгребал обломки, которые уже давно остыли после пожара.

Последние несколько дней он и еще десять солдат в красных комбинезонах прочесывали горы, но так и не нашли ни единой живой души, и Делау все больше уверялся в том, что Хонсю заставил их выполнять совершенно бессмысленную работу. В покореженном дверном проеме лежало тело без лица; Делау отпихнул труп в сторону и, пригнувшись, вошел внутрь, вспоминая бой за эту станцию, рев штурмовой пушки и шквал огня, обрушившийся тогда на них.

Внутри станции было темно, но усовершенствованное зрение Делау без труда справилось с этой помехой. Повсюду валялось разбитое оборудование вперемешку с обломками почерневшего металла, на стенах остались выбоины после взрыва гранат. Рядом с одной из стен лежало еще одно тело — скелет, практически лишенный плоти, а то, что еще оставалось на костях, почернело и обуглилось. У этого трупа тоже не было лица, и Делау вспомнил, что Хонсю сделал два выстрела, которыми и убил обоих гвардейцев.

Но где тогда был труп третьего?

Внимательно осмотрев разоренную станцию, Делау заметил открытый металлический ящик, вокруг которого были в беспорядке разбросаны вещи. Он опустился на колени и тщательно осмотрел каждую из них: бесполезное барахло, мертвый груз для того, кто оказался в ловушке в горах.

Итак, один гвардеец каким-то образом выжил и забрал из наблюдательного поста все ценное.

И куда же он затем направился?

Делау вышел из станции и обследовал пыльную землю вокруг. У убитого на входе не было ружья, и Делау предположил, что выживший гвардеец забрал оружие с собой.

Принюхавшись, Железный Воин присел рядом с телом, уже тронутым разложением, и заметил, что участок скалы рядом с ногами трупа изменил цвет. По одному виду он понял, что это кровь, а расположение пятна указывало, что кровь эта пролилась не из раны убитого.

Получается, Форрикс был прав. Где-то в горах бродил уцелевший гвардеец — и крайне изобретательный гвардеец, насколько мог судить Делау. Внимательно оглядев окружающую местность, он пришел к выводу, что человек, решивший отомстить Железным Воинам, мог пойти только в одном направлении — на северо-запад, через узкий горный кряж, откуда было

бы легче наблюдать за врагом.

Делау собрал своих солдат и двинулся вверх по склону, довольно ухмыляясь под визором шлема: ему предстояла схватка с достойным противником.

Хоук перебрался через неровный скальный выход и, тяжело дыша, продолжил путь по крутому склону горы. Он уже преодолел три километра по крайне пересеченной местности; нужно было пройти еще два до наступления сумерек, и он был полон решимости достигнуть намеченной точки в срок.

Изматывающая усталость наполняла все тело, но сейчас у Хоука была цель — настоящая цель. Он вскарабкался на относительно ровный участок скалы и остановился на минуту, чтобы перевести дыхание. Пеленгатором проверил свое местоположение; он знал, куда ему было приказано идти, но не знал, что обнаружит, добравшись до указанной точки. Ранее этим же днем сам подполковник Леонид передал ему задание по воксу, и Хоук заверил командира, что справится.

— Ты не можешь не справиться, — сказал ему тогда Леонид, — вся надежда только на тебя.

Хоуку это показалось несколько мелодраматичным, но вслух он ничего не сказал — слишком велико было удовольствие от того, что ему доверили столь важную миссию.

— Ну вот, Хоук, — хихикнул он про себя. — Когда вернешься домой, тебя будет ждать офицерское звание.

Он промокнул потный лоб рукавом, развернул один из последних пайков, сжевал остатки высококалорийного батончика, а затем со стоном вновь поднялся на ноги. Собственное здоровье поражало его, и это при том, что уже более двух недель он не принимал детокс. Его тело стало более поджарым, мускулы, особенно на ногах, окрепли. Хоук улыбнулся, внезапно поняв, что впервые за много лет находится в отличной физической форме. Начавшее намечаться брюшко исчезло, и дышалось легко, как никогда.

Правда, запасы воды и еды почти иссякли, но подполковник Леонид заверил его, что они уже работают над решением этой проблемы. Хоук доел остатки батончика, выбросил обертку и прищурил глаза в свете солнца, уже перевалившего зенит.

— Ладно, приятель, если будешь вот так просто стоять, то никогда не доберешься до цели, — сказал он сам себе и полез дальше по скалистому склону.

Его путь сквозь полуденное пекло продолжался.

Вобан и стоявший рядом Леонид смотрели на разноцветные вспышки, расцветавшие у них над головами каждый раз, когда снаряды врага сталкивались с невидимым энергетическим полем,

защищавшим пространство за куртиной. Наблюдатели, расположившиеся в блокпостах на северной стороне, следили за щитом на случай возможных прорех: щит был не сплошным, и то и дело отдельные снаряды прорывались вовнутрь, чтобы взорваться на территории, считавшейся безопасной. Наблюдатели не могли заблаговременно предупредить о таких попаданиях, но хоть какое-то предупреждение было лучше, чем ничего. И вновь Вобан почувствовал, как при мысли об архимагосе Амаэтоне его переполняет гнев.

Когда снаряды в первый раз прорвались сквозь щит, кастелян в бешенстве провел целый час, дожидаясь, пока его соединят с Храмом Машины по голо-связи. Пытаться увидеть архимагоса лично было бы еще большей тратой времени.

— Почему щит не держится? — требовательно спросил Вобан, как только связь была установлена.

— На поддержание такого... обширного энергетического барьера... требуются большие... усилия, — ответил архимагос; голос его постоянно прерывался. — Огромная сила нужна для... обеспечения оптимального функционирования всех остальных систем и щита... одновременно.

— Тогда пусть все остальные системы идут к черту, — рявкнул Вобан. — Если вы не удержите щит, очень скоро других систем просто не останется!

— Этого не может быть, — отрезал Амаэтон и прервал связь. После этого, как ни умолял Вобан, архимагос ни разу не ответил на вызовы.

Возможно, Наицин был прав; возможно, не будь Амаэтона, всем стало бы легче. Более того, после прерванного разговора с архимагосом Наицин лично обратился к Вобану, намекая, что подобное развитие событий вполне можно устроить.

Но сейчас Вобан выкинул проклятого архимагоса и его подчиненных-интриганов из головы, сосредотачиваясь вместо этого на неотложных делах.

— Есть новости от Кристана и Андерса? — спросил он Леонида.

Тот кивнул:

— Пока все идет по плану. Всем солдатам, участвующим в операции, уже выданы оружие, боеприпасы и взрывчатка, а штурмовые отряды уже выходят на точки сбора.

Вобан поднял взгляд к багровым небесам; день шел на убыль, и полуденный зной уступал место вечерним сумеркам.

— Хоть бы побыстрее стемнело. У меня уже нет сил ждать.

— Говорят, что ожидание — самое трудное, сэр.

— И ты согласен с этим, Михаил?

— Ну уж нет, — усмехнулся Леонид. — Никоим образом. Я лучше буду ждать.

Вобан сверился с карманным хронометром и нахмурился.

— Что слышно от Хоука?

— Пока ничего, сэр, но надо дать ему больше времени.

— Лучше бы он побыстрее добрался до места, иначе того магоса, которого ты раздобыл, хватятся коллеги, и он начнет болтать. Мне очень бы хотелось этого избежать, Михаил, — по крайней мере, до тех пор, пока для их вмешательства не станет слишком поздно.

— Мы должны дать Хоуку еще немного времени, ему предстоит трудный путь, — настаивал Леонид.

— Ты думаешь, он справится, если сумеет добраться до цели?

— Полагаю, справится. В личной характеристике указано, что его умственные способности выше среднего, и он уже не то воплощение позора, которого мы знали под именем гвардейца Хоука. Теперь он настоящий солдат.

— А чем объяснить, что он до сих пор не умер от поражения легких? Он утверждает, что не принимал таблеток детокса больше недели.

— У меня пока нет этому объяснений. Я спросил у представителя Магос Биологис, сколько, по его оценкам, Хоук еще может продержаться, но он выражался очень расплывчато и ответил, что точно здесь сказать ничего нельзя.

— Император защити нас от вмешательства Адептус Механикус, — Вобан покачал головой.

— Аминь, сэр, — отозвался Леонид. — А что насчет новоприбывших? Они согласны с нашим планом?

Вобан улыбнулся, хотя в улыбке этой не было теплоты.

— О да, они безоговорочно нас поддерживают.

Леонид кивнул, но ничего не сказал, заметив, как рука кастеляна сжала эфес силового меча. Оба офицера были в полном боевом облачении и приложили немало усилий, чтобы у их подчиненных не осталось сомнений в том, что командиры готовы к битве. Вобан облачился в парадный мундир, поверх которого надел нагрудник; бронзовый орел на серебряном доспехе сверкал, отполированный до блеска. Нагрудник Леонида был из бронзы, но в полировке ничем не уступал. Вмятина в центре — напоминание о той атаке, в которой подстрелили Леонида — была выправлена, и броня выглядела, как новая.

— Сколько еще осталось? — поинтересовался Вобан.

Леонид взглянул на темнеющее небо и ответил:

— Уже недолго.

Горан Делау вертел в руках пустую батарею от вокса и гвардейский паек, как будто одно прикосновение к вещам жертвы могло помочь ему лучше понять ее характер. Выживший солдат оставлял за собой настоящий мусорный след, и восхищение, которым Делау вначале проникся к гвардейцу, сейчас поубавилось. Человек даже не пытался замести следы, оставляя отходы своей жизнедеятельности на виду так, что даже начинающий охотник с легкостью мог их обнаружить.

По расчетам Делау, жертва опережала преследователей не более чем на час, и такое отсутствие смекалки со стороны врага раздражало. Вместо состязания с достойным противником охота теперь свелась лишь к тому, чтобы заманить добычу в ловушку и убить ее.

Его отряд уменьшился всего до шести человек. Один сорвался с края широкой расщелины, через которую им пришлось перепрыгивать; трех других Делау убил собственноручно в наказание за недостаточные мастерство и выносливость. Эти потери не имели никакого значения: он был уверен, что сумеет убить жертву даже в одиночку.

Куда бы ни направлялся выживший, в конце пути его, должно быть, ждало нечто важное, так как последние несколько часов он неизменно двигался в одном направлении; Делау не имел представления о цели его путешествия, но точно знал одно: там же жертва найдет и свою смерть.

Хоук сверился с пеленгатором, уточняя, где находится — из-за сгущавшейся темноты он мало что мог видеть вокруг. Он стоял на ровном плато высоко в горах, где неумолчный гром вражеской артиллерии превратился в далекий гул. Дышать было трудно; Хоук утер пот со лба, довольный тем, что, несмотря на усталость, все-таки добрался до нужного места — где бы оно ни находилось — засветло.

Вокруг не было ничего примечательного: только груда камней, приваленная к гладкому, словно срезанному склону, хотя земля здесь казалась выжженной, как будто после серии взрывов. Хоук стянул с плеч рюкзак, достал переносной вокс и разразился проклятиями, увидев, что у него осталась всего одна батарея.

Он вставил батарею на место и нажал руну активации, глубоко вздохнув, когда лицевая панель обнадеживающе засветилась; затем поднял трубку, настроился на нужную частоту и нажал на переговорную кнопку.

— Хоук вызывает Бастион, как слышите?

После секундного хрипения вокс передал ответ:

— Слышим вас громко и разборчиво, Хоук. Говорит магос Бове; вы достигли заданных координат?

— Да, и отсюда открывается прекрасный вид, но в остальном здесь нет ничего интересного.

— Опишите, что вы видите, — приказал Бове.

— Да почти ничего. Тут все плоское, есть только какая-то груда камней — и все.

— Идите к этой груде и скажите, что там.

Ладно, — ответил Хоук, перетащил рюкзак и вокс к камням и вгляделся в темноту. Сделал шаг вперед, смахнул толстый слой пыли. — Там позади есть дверь! Камнепадом ее практически закрыло, но это точно дверь!

— Рядом с дверью есть кодонаборная панель?

— Да, ее слегка присыпало пылью, но выглядит целой.

— Отлично, тогда вот что вам нужно сделать, — начал объяснять Бове. — Воспользуйтесь этой панелью и введите следующий код: терциус — три — альфа — ипсилон — девять.

Прижимая трубку к уху плечом, Хоук набрал код и сделал шаг назад, когда дверь отъехала в сторону, вибрируя на погнутых направляющих. Из открывшегося прохода вырвался слабый порыв ветра, похожий на последний вздох умирающего, и Хоук вздрогнул.

— Так, дверь открыта. Думаю, мне надо войти, — сообщил он.

— Да, заходите внутрь, — одобрил Бове, — и ни в коем случае не отклоняйтесь от моих указаний.

— Вы что, думаете, я хочу там себе экскурсию устроить?

Пригнувшись, Хоук нырнул под каменный свод и вступил в темный коридор. Нога его за что-то зацепилась, его качнуло вперед, затем он наступил на что-то мягкое и упал — и немедленно выругался, оказавшись нос к носу с трупом, чье лицо застыло в предсмертной гримасе. Хоук вскрикнул и ползком попятился к входу, где в свете, проникавшем снаружи, увидел еще три тела.

На руках трупов виднелась засохшая кровь, на двери с ее внутренней стороны — кровавые отпечатки.

— Милостивый Император, тут повсюду мертвецы! — заорал Хоук.

— Орбитальная бомбардировка немного отклонилась от цели, и удар пришелся в склон горы, а не в сам объект. Мы считаем, что взрывы вызвали обвал, в результате которого воздухоочистительные сооружения оказались погребены под обломками, и люди внутри объекта задохнулись.

— Задохнулись? А почему тогда у них руки в крови?

— Логично предположить, что персонал комплекса попытался выбраться наружу, как только стало ясно, что подача кислорода нарушена, — бесстрастно ответил Бове, не проявляя ни тени сострадания к погибшим.

— Но почему они не смогли выйти? — просипел Хоук, медленно восстанавливая дыхание.

— У персонала комплекса не было доступа к кодам, открывающим внешние двери. В критической ситуации это означало бы угрозу безопасности.

— И поэтому им пришлось умереть? Ты бессердечный ублюдок!

— Всего лишь необходимая мера предосторожности, о которой знают все работающие в подобных комплексах. А теперь давайте продолжим. Посмотрите, нет ли на шее начальника комплекса бронзового ключа? Если есть, то возьмите его.

Поборов брезгливость, Хоук обыскал трупы и обнаружил ключ на третьем по счету теле, после чего пообещал себе, что если выберется из этой передрыги живым, то обязательно найдет Бове и хорошенько ему врежет. Положив ключ в карман и переступив через трупы, он пошел по коридору; воздух здесь был застоявшийся, и каждый вздох вновь заставлял Хоука хрипеть.

— Я едва могу тут дышать, — пожаловался он.

— У вас есть дыхательный аппарат, которым можно было бы пользоваться до тех пор, пока в комплекс не проникнет свежий воздух снаружи?

— Ага, есть, — грубо ответил Хоук. Порывшись в рюкзаке, он извлек громоздкий дыхательный аппарат и натянул его на голову, после чего включил установленный над маской фонарь.

Перед ним, уходя во тьму, простирался коридор с гладкими стенами, и Хоук начал спуск. Следуя указаниям Бове, он прошел мимо нескольких железных дверей, рядом с которыми были кодовые панели без какой-либо маркировки, кроме знака шестерни — символа Адептус Механикус. Собственное дыхание громом отдавалось в ушах Хоука, стук стертых каблуков его сапог и металлический голос Бове эхом металась между стен, а тьма, едва рассеиваемая фонарем, казалось, делала все звуки еще громче. С каждым шагом вглубь горы он чувствовал, как нарастает внутри него тревога, и ничего не мог с этим поделать. Наконец указания Бове подвели его к ничем не примечательной двери, надпись на которой он прочитать не мог, но изображенный там символ явно предупреждал об опасности. Хоук поднес переговорное устройство к губам:

— Я пришел. И что теперь?

— Воспользуйтесь ключом, который вы забрали у начальника комплекса, и откройте дверь.

Хоук вытащил ключ из кармана и сделал, как ему велели. Дверь со щелчком открылась, из помещения пахло машинным маслом и благовониями. Внутри было темно, и Хоук, переступив порог, огляделся, отчего луч фонаря описал в черноте яркую дугу.

Насколько он мог видеть, помещение имело круглую форму; голые стены окружали огромный белый столб в центре, который занимал почти все пространство зала. Рядом с Хоуком к рокритовой стене была прикреплена металлическая лестница, уводящая вверх, в темноту, и он в изумлении уставился на грандиозный предмет перед собой.

Протянув руку, Хоук прикоснулся к его поверхности. На ощупь та была теплой, под ней как будто чувствовалось движение, но он приписал это ощущение своей разыгравшейся фантазии. Основанием белый столб уходил в большое углубление в полу, и когда Хоук заглянул через край, то увидел внизу огромные сопла, отчего на ум сразу пришли снаряды, которые использовали отряды тяжелого оружия, но эти сопла были больше...

Гораздо больше...

Хоук изогнул шею, пытаясь рассмотреть, на какой высоте был потолок зала, и внезапно все понял.

— Это то, что я думаю? — спросил он Бове.

— Зависит от того, о чем вы думаете, но я могу сообщить вам, что это орбитальная торпеда наземного базирования класса «Глефа».

— Проклятье, и что, по-вашему, я должен с ней делать? — пролепетал Хоук.

— Гвардеец Хоук, вы должны ее запустить, — сообщил ему магос Бове.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675104>